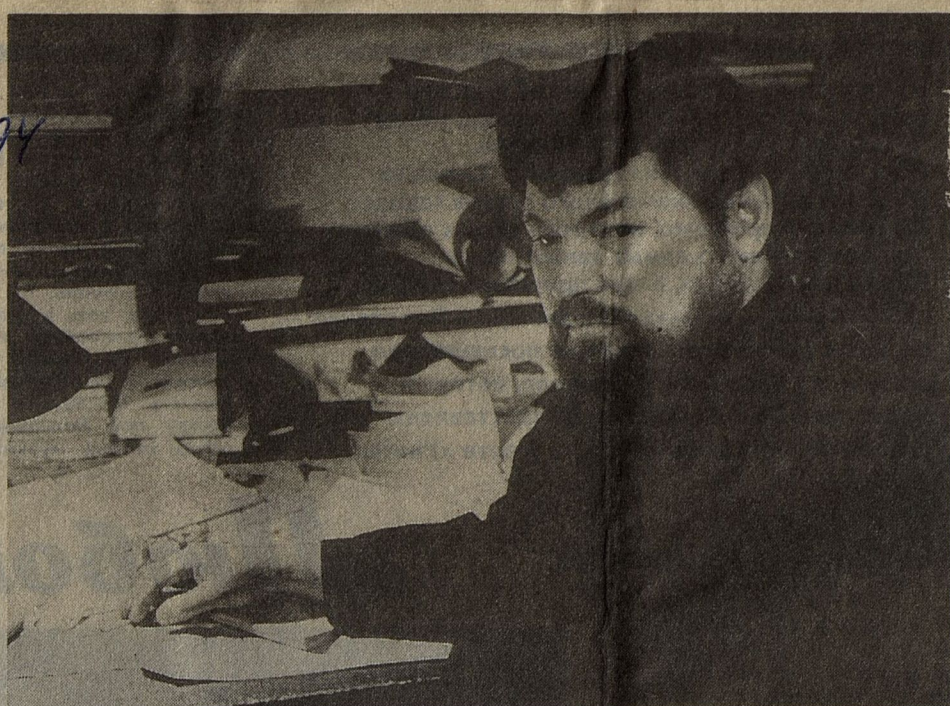

ПОРТРЕТ

Культура. —
1994. — Август. — С. 9.
Обросов Игорь 22.05.94

«Творчество свое, значительную часть его отдал я деревне нашей. Любам ее. Скропному, неброскому пейзажу средней полосы России; желководным тихим речушкам с ласковыми песчанymi отмелями, быстринами и протоками; крутым откосам, усеянными гnezдами — норами ласточек-береговушек, просторным заливым поймам с густой травой, а после покосов — с чередой стогов, напоминающих шлемы витязей; озерам, болотцам стариц, заросшему руслу родной реки, когда-то действительно могучей, широкой и глубокой, теперь притихшей и смиренной, укутавшей себя в мягкие пушистые округлые кружева густого иванья, дающие приют стаям птиц...»

Все волнения души

Слушаешь Игоря Обросова и понимаешь, что говорить так может только сам художник. Увы, непосредственно речь художника мы, зрители, слышим крайне редко, потому что профессия эта, не делая никакого открытия, нема, говорящая об всем иным языком, языком красок, глины, бронзы.

Всем знакомо понятие «музейной усталости». Пройдешь несколько залов, внимательно вглядываясь в картины, полотна, графические листы, стараясь ничего не пропустить, и вдруг ощущаешь необъяснимую «ватность» в ногах, потребность присесть, обдумать увиденное — это и есть та усталость от разговора, который ведет с нами через свои произведения их создатель. Так прислушаемся к этой неслышной звуковой палитре его голоса и постараемся понять душу художника, о чем он говорит с миром людей. С нами.

...Москвич. Родился в мае за 7 лет до одной из самых печальных вех отечественной истории, так оскотившей наш духовный и человеческий потенциал, востребованный гением зла. В 1937 году арестован по стандартному обвинению в заговоре отца художника. А в начале следующего года его не стало. Павла Николаевича Обросова, профессора, одного из родоначальников советской медицины, художник писал неоднократно. Как портретно крупно, почти фрагментарно, так и в сложных композиционных решениях многофигурных триптихов. Лаконошное, доведенное до математической логики простоты решение портрета поражает силой обобщения. Глуховато-темный фон, на котором мягким фонариком зажегся и погас охристо-пепельный лик человека самой гуманной профессии на земле — целителя физических недугов. Его печальные глаза, заглядывающие в нас, в нашу суть, ищут контакта с совестью нашей. Почти все портретные решения И. Обросова, к стати, построены именно на подобном испытании нас, зрителей, «на совесть», на заглядывание в самих себя. И уровень этой нравственной чистоты порой трудно вынести: слишком высоко моральное требование к тем, кто неправильно распорядился своим жизненным пространством и временем. Вглядываясь-прислушиваясь к очередному холсту.

«За жизнь художник встречает людей различных — плохих и хороших, добрых и скверных, стеснительных и наглых. Найти человека для себя, чтобы встреча с ним была этапом твоим, особенно важно. Пусть это будет память о родных, чувство к женщине, дружба к товарищу, любовь к дочери. Тогда и создаешь изображение портретируемого, порой никому не известного, и только такой портрет способен вобрать в себя все волнения души твоей, страсти, надежды и разочарования, связанные с этим человеком. Быть может, мно-

гое изменилось, но для тебя в истории осталось это вечно — таких произведений за свою жизнь можешь написать немного: два, пусть десять, но не галерею».

Другой портрет, сравнительно недавно написанный художником, затрагивает чувства, противоположные встрече с отцом-хирургом. Портрет гзлушника, одного из ночных визитеров, ворвавшихся в 37-м в квартиру московского интеллигента и опустошивших еще один семейный очаг. Силой своего дарования художник дал нам почти физическое ощущение свидетельства происшествия. А ведь написано это им через многие годы по воспоминаниям своим, совсем мальчишковым. Впечатление от портрета — сгула и щель глаза-прицела — все! Остальное, второстепенное, в тени, почти эскизно незавершенное. Если представить себе, что состоялся международный трибунал «СССР-37», наподобие Нюрнбергского процесса, этот обросовский портрет эталонно мог бы представить лицо Зла, Жестокости, Бесмысленности времени, пережитого нашим народом.

Отец был директором Института имени Н. В. Склифосовского. Мать, Татьяна Федоровна Серова, во время войны — главврач эвакогоспиталя. Откуда же в медицинской семье родилось призвание художника? «Да все-то с мамы и началось. И узнавание жизни, и первые шаги в искусство. Она любила живопись, пыталась сама рисовать и, главное, привить эту любовь детям. Нас было шестеро мальчишек. Юрий и Владимир стали архитекторами, Павел — программистом. Анатолий возглавлял Дом дружбы в Москве, а старший из братьев, Андрей, был писателем. Недавно он ушел из жизни. Последнюю свою книгу, сигнал романа «Закон — тайга», пронзительное повествование о пережитом, он еще успел взять в руки. Вот во что выплилась наша врачебная родословная, состоявшаяся в главном: принята эстафета высокой интеллигентности родителей и, надеюсь, подхвачена будет моими детьми, внуками...»

Добавлю: как самая большая реликвия хранятся в семье акварельные этюды матери.

Ф. Тютчев, В. Шукшин, Б. Ахмадулина, В. Попков, П. Иванов, дочь Даша — портреты, написанные Обросовым в разное время, — яркое свидетельство его дарования как портретиста-психолога. Но рядом, на той же планке, станут и его психологические пейзажи — городские и деревенские. Ну как писать Москву после Юрия Пименова или Александра Дейнеки, а деревню — после Аркадия Пластова и Сергея Герасимова! Только будучи с ними на равных по мастерству, мировоззрению, силе влюбленности в тернистость избранного пути.

«Для меня мои работы — и пейзаж, и портрет, и карти-

на — всегда о человеке, о моем отношении к нему. Без оглядки на моду — сколько увижу за собой Ван Гог, Сезанн, Пикассо! Художник вообще не должен знать, что делают его собратья по цеху, да простят меня, мою «крамольную» мысль. Главное в художнике — его собственное открытие мира».

Подойдем к любой из работ Обросова. Ни в одной из них нет дежурности, демонстрации, профессионализма ради профессионализма. «Три кося», «Красные грибы», «Ведро с картошкой», «Деревенские цветы», «Сборщики клюквы», «Покинутое гнездо аистов», «Светлые сараи» — какое наслаждение перечислять сами названия этих щемяще-печальных и мудрых работ! Он искренне любит плотность пригнанных друг к другу бревен, крепостью мужицкого хозяйства, перевернутым отражением избы в речной заводи. Композиция холста решается принципиально просто: вертикаль-горизонталь, ритм параллельных линий, столкновение перпендикуляров... Казалось бы, все так просто. В чем секрет мастера? Ведь такими же словами, как мы говорим, написана была и толстовская эпопея «Война и мир»! Сколько критиков, искусствоведов решали этот вопрос вопросов, на который, пожалуй, все же можно ответить: художник, как и человек любого другого призвания, состоит лишь тогда, когда совершит собственное открытие мира, найдет свое личностное «Я». Нет более печальной участи человека в искусстве, чем быть вторичным, повторять кем-то уже пройденный, пусть и талантливый путь...

«Осенью тянет меня в опустевшие пашни и ставы, на стерню, где на золотисто-коричневом фоне выступают янтарные соломённые стога и скирды. Постоянно возвращаюсь в трудную минуту сюда, под родную сень за пониманием и лаской».

Деревенский пейзаж Обросова драматичен с поставленным по-гамлетовски вопросом — к себе и нам: быть или не быть первоистокам, корням истории, культуры нашей, нашим традициям? Оптимизмом звучит только то, что нашелся человек, у которого искренне, не показно и трибунно болит сердце за время саморазрушения национальной культуры. Без прошлого нет настоящего ни у какого народа, как бы он ни был талантлив!

Поразительная информация промелькнула на страницах популярного детского технического журнала. Если с помощью специальной иглы дотронуться до поверхности живописного слоя картины или скульптурного произведения, вернее, к слепку-клише их поверхности, то через специальное звуковоспроизводящее устройство можно будет услышать... голос данного живописца или ваятеля! Звук впечатал-

ся в мазок художника, «поколебав» масляный слой картины. Что же «расскажут» нам холсты Рембрандта, Гойи, Левитана, Матисса? Мы напрямую услышим голоса великих? Поймем их боль и лишения, радость и трагедию творчества? Наивная мечта? Кто знает! Рядом с нами живут простые, хорошие люди, а мы их не слышим. Время проходит, и многих уже нет рядом. И ищутся способы реанимации памяти.

Каждая душа человеческая — великая тайна. И столько человеческих сердец, отстучавших свой биологический час, унесли навсегда с собой свою единственную, неповторимую тайну. Когда же мы будем внимательнее друг к другу, услышим голос не только свой?

Конечно, не стетоскопом, приставленным к обросовским картинам, или другим, более совершенным прибором, выслушивал я биение сердца замечательного, светлого и талантливому художника. Счастливым признаюсь: встречи наши — воочию — проходили в его прекрасном старинном ателье рядом с эклектичным многоцветным псевдо-Арбатом. Здесь, в мастерской, происходит одно из самых загадочных явлений на земле — рождается вдохновение. Казалось бы, ничего не нужно Обросову — все у него есть: прекрасная родословная семья, талант, признание и истинный авторитет среди коллег (что бывает крайне редко у деятелей искусства). Но трудно поверить: последние семнадцать (!) лет своей до краев заполненной работой, худсоветами, командировками жизни он отдал... строительству дома. Строительству своей давней мечте: собрать под одной крышей единомышленников, создать новый центр московской культуры наподобие знаменитого дома художников на Масловке, именно единением своим подарившим нашему и мировому искусству столько бессмертных имен. И только посетив мастерскую-квартиру Игоря Павловича, понимаешь, что он, нуждающийся только в спокойствии хотя бы нескольких часов у мольберта с натянутым на свежий подрамник белым холстом, сделал это, разрушил свою тишину, возглавив неблагодарнейшее место председателя жилищного кооператива молодых художников только ради кампанелловской идеи создания «Города Солнца».

Конечно, он был не один в этой титанической битве с реальной действительностью наших дней, когда стоимость забитого в стенку гвоздя ныне обходится чуть ли не в сумму вчерашнего взноса за двухкомнатную квартиру. Но все держалось на его непреклонной воле. И надежде, что будущее — светлое, чистое, совершенное, если взять его в свои руки, все же можно хоть чуточку, но приблизить.

Леонид КОЗЛОВ.

● И. Обросов в мастерской (снимок сверху).

● Яблочный спас. После бани.

● Из серии «Москва».

● Проект памятника скорби на Лубянке.

